

А.В. Полетаев

**КНЯЗЬ СЕМЕН ШАХОВСКОЙ
И ЕГО СИБИРСКИЕ «ЗНАКОМЦЫ»:
СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ КОТОВ**

В предыдущем очерке мы поведали о некоторых лицах, окружавших известного писателя XVII в. князя Семена Ивановича Шаховского Харю в 1632 г. в Тобольске, где он останавливался по пути с енисейского воеводства в Москву¹. Продолжая разговор о сибирских «знакомцах» князя Семена, коснемся периода его пребывания в Енисейске (1629 – 1631 гг.).

О своей службе в Восточной Сибири Шаховской вспоминал в начале 1641 г. в челобитной. Князь просил изготовить грамоту в Енисейск с повелением выслать в столицу оставленные им в 1631 г. при отъезде с воеводства «Библию да Чепь златую и иные книги с иными... животами». Книги и «животы» были «положены» Шаховским в Енисейском остроге «у Сергейка Катова» (Котова. – *А.П.*), но сменивший князя на административном посту Ждан Васильевич Кондырев изъял – «пограбил» их у последнего, заперев в приказной избе. Семен Иванович не впервые «челобитовал» по этому поводу и в 1638 г. уже получал на руки грамоту о возвращении своих, «пограбленных» Кондыревым, книг. Однако она в Сибирь так и не была отправлена – «за ездоками залежалас». В ответ на новую просьбу князя – выдать ему «въ Енисейской острог к воеводе» «иную грамоту» «по прежнему... государеву указу», на обороте челобитной С.И. Шаховского была сделана помета – «дать грамота с прежнего отпуску»². Согласно помете, старая грамота, означенная 26 января 1638 г., была скопирована³. На основании этой копии и челобитной 7 февраля 1641 г. составили отпуск грамоты новой – адресованной управлявшему в то время Енисейским острогом воеводе О.Г. Оничкову и указующей «те, княз Семеновы книги Шеховского», выслать «к Москве с ыными нашими делы вместе»⁴.

Возвратились ли книги к своему хозяину, либо же, за 10 лет со дня их «положения» в Енисейске обрели иных владельцев, к настоящему моменту неизвестно. Однако о хранителе книг С.И. Шаховского – «Сергейке» Котове – сказать можно немало.

Семейный клан Котовых принадлежал к верхушке московского купечества – к «гостям» и к «гостинной сотне»⁵. Отец С.А. Ко-

това – гость Андрей Афанасьевич – перешел в 1626 г. из торговых людей в привилегированный состав служилой бюрократии, занимая весьма престижные должности – дьяка Казенного двора, затем дьяка приказа Большой казны⁶. Дядя Сергея – гость Родион Афанасьевич – был вхож в правительственные круги, ибо иногда выступал в роли царского поставщика и кредитора⁷. Кроме того, Родион имел связи среди «князей церкви» благодаря женитьбе на дочери владыки Матфея, к 1627/28 г. занимавшего кафедру митрополита Казанского и Свияжского⁸. Другой дядя нашего героя – гость Федот Афанасьевич – был известен не только как купец, но и как писатель. В 1623 г. он совершил поездку с казенными товарами в Персию, после чего написал сочинение «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю, и в Индею, и в Урмуз, где корабли приходят». В своем «Хождении» он, кроме полезной для путешественников и торговцев (и, в целом, традиционной для жанра) информации, дал оригинальные наблюдения о природе и климате «Персиды», поделился своими яркими, самобытными впечатлениями о жизни и нравах различных народов Востока⁹.

С.А. Котов и оба его дяди попали в царскую немилость по вине «Давыдка Афанасьева сына Котова». Последний, «отступив от Бога и от православные христианские веры и преступив государево крестное целованье, государю... изменил ...во 136–м (1628) году в масленое заговейно в другом часу ночи ис Костромские чети, из–за пристава побегал в Литву»¹⁰. В ходе наскоро организованного следствия выяснилось, что побег был осуществлен по «воровскому Родионкову и Федоткову, и Сергейкову умышленью» – «с их ведома». В результате всех троих по государеву указу и боярскому приговору «в изменном деле» велено было «сослать в Сибирь по городом в тюрьмы крепкие: Родионка – в Томской город, Федотка – в Сургут, Сергейка – в Енисейской острог». Память о ссылке Котовых, отправленная 25 мая 1628 г. из приказа Костромской чети руководителям приказа Казанского дворца боярину князю Д.М. Черкасскому и дьякам И. Болотникову и И. Грязеву, предписывала «тех колодников – изменничью Давыдкову братью Котова... и племянника их... у дворян взяти, у ково они сидели («за приставами». – *А.П.*): у Фоки Дурова – Родионко, у Бориса Кокорева – Федотко, у Семена Чемоданова – Сергейка. Как им измену брата их, Давыдка, и их вины и воровство скажут у приказу (Костромской чети. – *А.П.*), и велети их отдати дворяном, кому их вести в Сибирь, и посадити их в телеги скованных у Казанско-

го дворца, и... велети их выпроводити за город, и послати их тотчас». Купцов указано было сопровождать «порознь – не вместе» до Тобольска московским приставам – «дворяном: Ивану Костянтинову сыну Шетневу – Родионка, Ивану Петрову сыну Чихачеву – Федотка, Семену Казаринову сыну Бегичеву – Сергейка», и «вести... скованных в великой крепости»¹¹. «В прибавку» к приставам от Москвы до Переяславля Залесского был отправлен конвой – 15 стрельцов «Иванова приказу Головленкова» (по 5 человек к каждому «колоднику»)¹². В дальнейшем, на этапном маршруте, дворянам велено было брать «от города до города» караул из местных служилых людей – «по колку человек пригоже, чтоб те колодники не утекли и дурна над собою никакова не учинили, чтоб довести здорово». В дорогу и на местах заключения Котовым, в отличие от ссыльных из непривилегированных слоев населения, определялся довольно большой денежный «корм» – «по 2 алтына человеку на день» (65 рублей 23 алтына и 2 денги в год на троих), однако, он выделялся не из государственной казны, а «изъ их изменничих денег». Воеводам Томска, Сургута и Енисейского острога указывалось для Котовых «тюрьмы... сделать нарочно, новые, крепкие, оприченно иных сиделцов... а приставити к тюрьмам сторожей добрых и велети беречи накрепко, чтоб отнюд никоими обычаи к тюрьмам к ним никакие люди не приходили и ни о чем не розговаривали». Кроме того, воеводам вменялось в обязанность «надзирати... над сторожи по вся дни... самим». Единственным послаблением на местах ссылки для «изменничья рода» было то, что дозволялось «в тюрьмах им сидети не скованым»¹³.

«Давыдковы братья и племянник» были отправлены в Сибирь 25 или 26 мая¹⁴. Везли Котовых в Тобольск по обычному для ссылаемых этапу (Москва – Переяславль Залесский – Ярославль – Тотьма – Устюг Великий – Соль Вычегодская – Соль Камская – Верхотурье – Туринск – Тюмень – Тобольск), выполняя предписание ехать «наспех», «не мешкая нигде ни часу»¹⁵. Судя по всему, предписание соблюдалось строго, ибо к началу августа провожатые и «колодники» достигли столицы Сибири¹⁶. 8 августа 1628 г. пристав С.К. Бегичев согласно инструкции в своей наказной памяти передал в Тобольске «колодника» С.А. Котова тамошним властям – князю А.Н. Трубецкому и И.В. Волынскому. В Енисейск «Сергейко» проследовал в сопровождении иных конвоиров – тобольского сына боярского Бориса Толбузина «с товарищи»¹⁷, и был привезен туда, вероятно, зимой 1628 /29 г.¹⁸

А полгода спустя в Енисейский острог «на перемену» воеводе В.А. Аргамарову приехал князь Семен Харя¹⁹.

Уяснив причину появления С.А. Котова в Енисейске, нетрудно понять мотивы действий в его отношении воеводы Ж.В. Кондырева. Несомненно, первый, которому князь Семен как «собинному приятелю» оставил при отъезде свои книги и «животы», содержался в ссылке если не на вольном положении, то, по крайней мере, «ослабно» – вопреки государеву указу. Кондырев, заступив на воеводский пост и принявшись в лучших традициях отечественного начальствования устранять следы управления предшественника, просто-напросто восстановил «Сергейке» статус «тюремного сидельца», а посему и реквизирует у него имущество Шаховского. Должно быть, изрядное недоверие вызвал у Ждана Васильевича сам князь Семен (странный князь, любитель богословских бесед и размышлений о судьбах «Московии». – А.П.), раз тот не пострашился водить дружбу с «ведомым вором и изменником». Надо полагать, чужды были Ж.В. Кондыреву – «государеву холопу»–администратору принципы, начинавшие в XVII в. объединять русских «книголюбцев» вне их чинов, титулов и положений²⁰ – те принципы, которые, переименовав на свой вкус и манер, в полной мере востребует сменивший «Бунташное столетие» «Век просвещения». Нам, отдаленным от описываемых событий изрядной хронологической дистанцией, поведение Шаховского представляется вполне объяснимым. Известно, что князь подчас заводил в Сибири знакомства с находящимися «в государевой опале», и «тюремный сиделец» С.А. Котов в этом смысле не исключение²¹. Опальные в кругу приятелей (нередкое явление для дворян–интеллектуалов «Московской эпохи»)²² подтверждали Шаховскому его «гонимое и прогонимое»²³ реноме, которое писателю, судя по всему, нравилось²⁴. Здесь просматривается легкое, едва заметное фрондерство к власти – то, что в русской литературе, перешагнувшей за порог Нового времени, четко обозначится формулой оппозиции «поэта» «царю».

Об опальном ореоле вокруг имени С.И. Шаховского следует сказать подробнее, ибо этот ореол, на наш взгляд, суть историографический миф, восходящий к сочинениям самого князя Семена, и, прежде всего, к автобиографическим «Домашним запискам»²⁵.

Опала – отдаление придворного от суверена, возможна лишь при условии изначальной приближенности его к последнему и является нередким положением в амплитуде служилой карьеры почти

любого представителя Государева двора XVII в. Случаев же поощрений – приближенности к царю, в послужном списке С.И. Шаховского насчитывается гораздо больше, чем «опальных» эпизодов, и его фигура на фоне многочисленных служилых родственников²⁶ отнюдь не выглядит блеклой. Князь назначается на полковые и городовые воеводства (при том нередко местничает)²⁷, дежурит во дворце, ездит с дипломатическим поручением в Польшу, отправляется в Тверь встречать датского принца Вольдемара²⁸. Бывает Семен Иванович и у государя «за столом»²⁹, получает приглашение видеть «государские очи в комнате»³⁰. Имея лишь чин дворянина московского, С.И. Шаховской чрезвычайно богат: он имеет вотчины в 3–х уездах, его оклад денежного и поместного жалования к 1644 г., после очередного повышения за успешные воеводские службы, составляет 150 рублей и 1000 четей соответственно³¹. Признаются правительством даже литературные способности князя: в 1625 г. ему поручают весьма пикантное задание – составить от лица патриарха Филарета послание к персидскому шаху Аббасу³².

Что же касается пресловутых «опал», то их было не так уж и много, притом самая значительная пришлась на последние годы жизни писателя.

Первая опала – удаление Семена Ивановича в 1606 г. Василием Шуйским в деревню, не обернулась большим ущербом: Шаховской только начинал карьеру и не сделал на этом поприще значительных шагов. В 1608 г. молодой аристократ вновь на службе у царя Василия, которому он, впрочем, припомнит обиду, «отбежав» в начале 1610 г. в Тушино³³.

Опала вторая – кратковременная ссылка С.И. Шаховского в 1615 г. на Унжу³⁴, носила, по-видимому, лишь «назидательный» характер³⁵ и также не отразилась на карьере князя. В следующем году он назначается воеводой в Ядрин, а в дальнейшем участвует в обороне Москвы от войск королевича Владислава³⁶.

Серьезно не повредила С.И. Шаховскому и двухмесячная ссылка его в Тобольск в 1622 г.³⁷ В следующие годы положение писателя, вопреки расхожему мнению, довольно быстро стабилизируется³⁸.

В предыдущей статье о С.И. Шаховском мы подвергли критике (и, думается, обоснованной) распространенную среди исследователей версию о так называемой «тобольской опале» Семена Ивановича в 1632 г. при возвращении с енисейского воеводства³⁹. Не являлось для князя ссылкой и само его пребывание в Енисейске⁴⁰.

Грозные «опальные громы» прогремели над головой писателя лишь в 1644/45 г. – в связи с расстроившейся женитьбой датского королевича Вольдемара на царевне Ирине Михайловне. Свадебные церемонии, как известно, не состоялись, ибо московские «сваты» настаивали на перекрещивании жениха по православному обряду, датская же сторона отвергала этот вариант. В завязавшемся богословском диспуте Шаховской высказал еретическое, с точки зрения правительства, мнение по вопросу о православном крещении принца, чем и навлек на себя царскую немилость. В феврале 1645 г. князь «за опалу» был направлен на воеводство в Усть-Колу⁴¹, затем переведен в Устюг Великий, а оттуда сослан в Соль Вычегодскую. В конце 1648 г. он был-таки отпущен в свою вотчину в Галицком уезде, затем даже получил разрешение выехать «к Москве», однако почти сразу же по приезде в столицу был сослан в далекий Томск. Смысл «сказки», объявленной Шаховскому 4 января 1649 г., сохранила опись архива Посольского приказа 1673 г. Князю ставили в вину «ево воровство и еретичество – говорил многожды и в писме своем (Михаилу Федоровичу – *А.П.*) написал, дацкому-де королевичу мочно ходить некрещену и еретика люторской веры приобщить с православными христианы, и бояря приговорили было ево за то зжечь, а великий государь пожаловал, жечь ево не велел, а велел сослать к Соли Вычегоцкой, и из опалы взят он к Москве, а на Москве, будучи у великого государя (уже Алексея Михайловича. – *А.П.*) у руки, оправдаючи себя, говорил непристойные речи, что он такое дело чинил, исполняя повеление блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, а его государского повеленья такого ему не бывало, и бояря приговорили ево за то казнить смертью, и у казни на Пожаре та скаска ему сказана и на плаху кладен, и великий государь пожаловал, смертью казнить ево не велел, а велел сослать в ссылку в Сибирь»⁴².

Вероятно, там, в Сибири, и была написана Шаховским краткая автобиография, вошедшая в науку как «Домашние записки»⁴³. Озлобленный на все и вся, уже немолодой князь⁴⁴ оглядывался на свою жизнь сквозь призму последних событий, утрируя «опальные» эпизоды, что для него, как уже отмечалось, было характерно.

Вернемся к енисейской службе С.И. Шаховского. Сдав воеводские обязанности Ж.В. Кондыреву и оставив «Сергейке» какую-то, видимо небольшую, часть своего имущества⁴⁵, отъехал Семен Иванович из Енисейского острога летом или осенью 1631 г.⁴⁶ Обратный

путь до Тобольска (там князю пришлось «завесновать») пролегал через Кетск, Нарым и Сургут⁴⁷. Более чем вероятно, что в Сургуте, где Шаховской должен был появиться зимой 1631/32 г., князь по просьбе Сергея посещал ссыльного его дядю Ф.А. Котова⁴⁸.

Однако о чем два русских писателя XVII в. вели беседы в этом заснеженном городе – если, конечно, их встреча имела место – о далеких ли «Кизылбашах» (русское название Персии. – А.П.), в которых побывал Федот, о более близкой и желанной для обоих Москве, мы вряд ли узнаем.

Судьба Котовых изменилась, когда по всем «далним государевым вотчинам» прошла весть об амнистии опальных в связи со смертью 1 октября 1633 г. патриарха Филарета⁴⁹. Уже 26 октября кто-то в Москве в приказе Костромской чети подает от имени Р.А., Ф.А., и С.А. Котовых челобитие с просьбой «пожаловать» их – заменить сибирскую ссылку на поселение «в Казани или [где] государь укажет, з женами и з детми»⁵⁰. В самом конце октября администраторы приказа Казанского дворца получают из приказа Костромской чети соответствующую память, подтверждающую «пожалование» Котовым «до государева указу» «быти в Казани», «а жен и детей... к ним отпустить». В памяти звучало и обычное в таких случаях распоряжение изготовить грамоты к сибирским воеводам, повелевающие выслать Котовых в Казань⁵¹. 11 ноября 1633 г. грамоты в Тобольск (с приказанием отписать оттуда в Сургут), Томск и Енисейский острог в приказе Казанского дворца были изготовлены⁵², и 21 декабря тобольская воеводско-дьяческая коллегия уже получила указание о Ф.А. Котове. В феврале следующего 1634 г. Федота привозят из Сургута в Тобольск, а оттуда направляют в Казань⁵³, куда он и прибывает ранней весной⁵⁴. Несколько позже, в апреле или в начале мая, до Казани добираются Родион и Сергей⁵⁵.

На этом опальные злоключения Котовых не закончились, ибо решение о переводе их в Казань не являлось окончательным. Еще 1 декабря 1633 г. «по государеву указу» велено было оставить в Казани лишь Федота. Родиона же по прибытии туда определялось переслать в Свияжск, а Сергея на Уржум⁵⁶. Р.А. и С.А. Котовых такое решение не устраивало.

В мае 1634 г. «била челом государю... гостинной сотни Серг[у]ш[кина] жена Котова Окулинка», жалуюсь, что «ныне... муж ее Сергушка в Уржуме, и тот де пригородок от людей отдалел и прокормитца мужу [ее] нечем». Акулина просила царя разрешить «мужу

ее быти в Чебоксарах и[ли где] ему, государю, Бог известит». Сменить уржумскую ссылку на ссылку чебоксарскую С.А. Котову с семьей дозволили и 10 мая 1634 г. из Приказа Костромской чети известили о том приказ Казанского дворца⁵⁷.

Тогда же, в мае, в столице получили челобитную Р.А. Котова, в которой он просил власти разрешить ему проживание в Казани. Родион мотивировал свою просьбу, в частности, тем, что в Казани «кормит и одевает женишко мое и з дети... и по ся места богомолец твой, государев, Матфей митрополит Казанский и Свияжский – отец ее», неспроста, на наш взгляд, напоминая правительству о преосвященнейшем тексте. Челобитие Р.А. Котова было удовлетворено – 25 мая 1634 г. «государь пожаловал, велел ему быти [в] Каза[ни]». Однако «пожалование» осуществлялось за счет брата Р.А. Котова Федота, ибо последнему указывалось «быти в Свияжску»⁵⁸.

Если семья переселенного в Казань Родиона оказывалась в значительной степени «окормляемой», и не только духовно, владыкой Матфеем⁵⁹, то этого нельзя было сказать о семьях Ф.А. и С.А. Котовых, и заключительным аккордом в череде прошений явилось челобитие дяди и племянника относительно того, что женам их и детям – Федотовой жене с двумя детьми и жене Сергея «с маленьким сынишком» – поденный корм не указан, а кормиться в Свияжске и Чебоксарах даже «Христовым именем не у кого»⁶⁰. Родовые сбережения, за счет которых Котовым в Сибири давали двухалтынные кормовые, к тому времени иссякли. Содержать Федота и Сергея в отдаленных казанских «пригородках» «ис тамошних д[о]ходов»⁶¹ государству было невыгодно. Поэтому определили перевести обоих с семьями в Казань «за прежними поруками, а денег и корму давать на день по гривне на 2 месяца, а впредь жити в посаде»⁶².

Котовская «одиссея» завершилась. Прочно осев в Казани, род со временем обзавелся неплохой торговлей. Наиболее удачливый его представитель – сын Сергея Викула, в начале XVIII в. даже числился в московской «гостинной сотне»⁶³, но прежние столичные позиции Котовым восстановить уже не удалось.

На сем можно было бы и закончить рассказ о князе Семене и С.А. Котове, однако, дополнить его позволяет один предмет, вероятно, имеющий отношение к енисейскому «приятельству» воеводы и «тюремного сидельца». Это книга – Учительное Евангелие, напечатанное около 1580 г. в Вильно В.М. Гарабурдой и хранящееся в коллекции ЛАИ УрГУ⁶⁴. Местами срезанная, а большей частью заклеенная при

позднейшей старообрядческой реставрации запись гласит: «Книга глаголемая Евангелие толковое [государя царя и великого князя Михаила Федоровича] всеа Руси [прислана с Москвы в Сибир]... острог [в его государское] богомолье [к церкви Пречи]с[тей] [Богоро]д[ицы честнаго и слав]ного Ея Вве[дения в лето] 7136-го (1627/28. – А.Л.) году»⁶⁵. Целиком реконструировать маргинальный текст несложно. Сибирским «острогом» (не «городом». – А.Л.), имеющим Введенскую церковь «государского богомолья», т.е. построенную на государственные деньги, в 1627/28 г. мог быть только Енисейск. Еще в 1626 г. местный воевода А.Л. Ошанин сетовал в своей отписке в Москву о том, что в новом остроге в обеих енисейских церквях, в «государевом богомолье» во имя Введения Пречистой Богородицы и в «обетном храме», поставленном служилыми людьми на свои средства во имя «государева ангела Михаила Малейна», не хватает образов, книг и «всякого церковного строенья». Довершая живописание храмовой скудости, воевода сообщал, что вместо колоколов «звонят в Енисейском остроге у твоего царского богомолья в якори» и просил «пожаловать» хотя бы самую необходимую для богослужения утварь. Царь, «слушав» отписку (вероятно, выписку из нее «в доклад». – А.Л.), «указал» послать в Енисейск иконы, книги и другие предметы церковного обихода, в т.ч. «и колокола в пуд или мало болши». Согласно этому распоряжению, в Котельном ряду у торгового человека Ильи Федорова были куплены 2 колокола, «а в них весу пуд и 12 гривенок, цена 7 рублей 28 алтын 2 денги, да к тем же колоколам 2 языка, цена 3 алтына и 2 денги». Посланное в Сибирь «церковное строенье» предназначалось, однако, не обеим енисейским церквям, а только «государскому богомолью», ибо «которой храм обетной поставили служилые люди собою – тот храм указал государь им и строить собою»⁶⁶.

Несомненно, Учительное Евангелие из собрания УрГУ входило в состав вышеупомянутого царского вклада. В Енисейск оно было привезено, по всей видимости, незадолго до приезда туда С.И. Шаховского на воеводство⁶⁷.

Характер «книголюбца»–библиофила не меняется веками. Можно быть уверенным, что князь Семен, изнывая от дефицита интеллектуального общения в малолюдном и «малокнижном» Енисейске⁶⁸, не преминул ознакомиться со скромным составом введенской церковной библиотеки, тем более, что инспекция наличности всего казенного «государева строенья» напрямую входила в его административные обязанности. В таком случае, С.И. Шаховской держал это Евангелие в

руках, листал его, а если сего издания не было среди привезенных им в Енисейск книг, то можно допустить другое – учительная книга «литовской печати» могла временно войти в состав его библиотеки⁶⁹.

Данный кодекс примечателен не только вкладной записью. Поля его испещрены сотнями скорописных конкордных глосс, являющихся ссылками на тексты Священного писания, в т.ч. и сочинения Ветхого завета (книги Бытие, Исход, Иисуса Навина, Царств, Притчей Соломоновых, Пророков: Исайи, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Аввакума, Софонии, Захарии и др.). Но что-то помешало автору сноска довершить свою работу. Они покрывают поля книги лишь до 222 листа, затем исчезают.

К настоящему моменту можно определенно сказать только одно: писавший сноски пользовался библейским текстом⁷⁰. Был ли это «Сергейка» Котов или князь Семен? До результатов тщательного подчерковедческого анализа утвердительно ответить на этот вопрос нельзя⁷¹, как нельзя пока ответить утвердительно и на многие другие вопросы, связанные с жизнью и творчеством С.И. Шаховского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Полетаев А.В.* Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Федор Андреевич Шелепанский // ПИР. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 158–174.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 98. Л. 294–294 об. Текст челобитной С.И. Шаховского опубликован нами ниже (см.: Приложение. № 2).

³ Там же. Л. 298–300. Текст копии грамоты публикуется ниже (см.: Приложение. № 1). Возможно, копия выполнена не с отпуска грамоты, а с ее оригинала. Грамота, которая «за ездоками залежалас», вероятно, находилась на руках у С.И. Шаховского. Если князь представил ее в Сибирском приказе, то подъячим было удобнее, убедившись в подлинности документа, скопировать чистовой текст. Это освобождало от необходимости разыскивать в столбцах десятилетней давности отпуск грамоты. В пользу данного предположения косвенно может свидетельствовать то, что копия не имеет правки и помарок.

⁴ Там же. Л. 314, 307. Текст отпуска грамоты опубликован нами ниже (см.: Приложение. № 3).

⁵ Подробнее о социальном статусе и экономическом положении семейства Котовых см.: *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI–первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 47–49, 56, 68, 82, 86, 87, 94, 96–98, 109, 211, 220, 231, 232, 234, 235, 239, 243, 250, 414.

⁶ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 266.

⁷ *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 68. Вероятно, этой ролью и объясняются

периодические проявления к Р.А.Котову знаков особого монаршего внимания. Так, например, 21 декабря 1623 г. он в числе немногих других «гостей московских», был в патриарших палатах в присутствии царя и патриарха на званном обеде по случаю праздника святителя Петра, митрополита Московского (*Лисарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. Приложения. С. 94).

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 23. Л. 212–213; Стб. 38. Л. 27–27 об.

⁹ *Белоброва О.А.* Котов Федот Афанасьевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. С. 186.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 38. Л. 62–63. Делу опальных Котовых вышеуказанный столбец посвящен целиком (Л. 1–146). Первым на этот комплекс документов обратил внимание Н.Н.Оглоблин. Исследователь, изначально приняв Котовых за служилых людей (*Оглоблин Н.Н.* Обзор столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1900. Ч. 3. С. 59), впоследствии поправил свою ошибку (Там же. М., 1901. Ч. 4. С. 190). Н.Б.Голикова, обратясь к «Приказным делам старых лет» (РГАДА. Ф. 141), уточняет обстоятельства бегства Давыда Котова в Литву – он бежал туда в сопровождении своих дворовых людей. Попытки правительства задержать беглецов, организовав облавы на дорогах, не увенчались успехом (*Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 234).

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 38. Л. 62–79.

¹² Там же. Л. 109–112.

¹³ Там же. Л. 62–79, 87–98.

¹⁴ Все бумаги о ссылке Котовых (отпуски грамот в Сибирь, подорожных грамот и наказных памятей приставам, памятей в Ямской приказ о выдаче подвод и др.) датированы 25 мая. Исключение составляет помеченная 26 мая выписка о выдаче «корма» стрельцам–провожатым. Им были выплачены «кормовые» деньги в дорогу от Москвы до Переяславля Залесского и обратно с расчетом на 6 суток: с 26 по 31 мая (Там же. Л. 112).

¹⁵ Там же. Л. 99–105. 31 мая стрельцы московского конвоя во главе с пятидесятником Лукьяном Тимофеевым возвратились из Переяславля Залесского (Там же. Л. 113–115 об.).

¹⁶ Федот Котов был доставлен в Тобольск 4 августа. 8 августа туда прибыли Родион и Сергей (Там же. Л. 116–141). Все трое следовали в сибирские тюрьмы без семей. Их «жены и дети» ссылались «на житье» в различные города Европейской России. В несколько льготном положении, относительно иных, оказалась только семья Родиона: его жену Лукерью государь «пожаловал» – разрешил «жить» вместе с тремя детьми и «служебницею» в Казани «у отца ее, у Матфея митрополита, где им он велит». В июле 1629 г. Лукерья была поселена отцом «в новом девичьем монастыре Пречистые Богородицы Новоявленного образа» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 23. Л. 212–213).

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 38. Л. 116–123. Б.Толбузин сопровождал С. Котова до самого Енисейска. Подначальственный сыну боярскому конвой–«товарищи», состоящий из тобольских служилых людей, следовал только до Сургута, где должна была произойти его замена сургутскими казаками. Далее «перемены» проводимых планировались в Нарыме и Кетске.

¹⁸ Время приезда С.А. Котова в Енисейск рассчитано условно, исходя из средней продолжительности пути туда из Тобольска. Точную дату, думается, можно восстановить по материалам делопроизводства: Н.Н. Оглоблин упоминает енисейскую отписку воеводы В.А. 7137 (1628/29 г.) «о прибытии “колодника” Сергея Котова» (*Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа*. Ч. 3. С. 237. Ссылка на Стб. 12. Л. 239). Этот документ мы, к сожалению, не смотрели.

¹⁹ С.И. Шаховской получил назначение на воеводство в Енисейский острог 3 декабря 1628 г. (Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 2. Стб. 208) и прибыл туда, вероятно, летом 1629 г.

²⁰ Среди литераторов-дворян С.И. Шаховской – одна из самых демократических фигур. В эпистолярном спектре князя и дьяк Семен-Третьяк Васильев, и книжный справщик чернец Савватий, и троцкий келарь Симон Азарьин, и бывший архимандрит Богоявленского Суздальского монастыря Варлаам. А.М. Панченко, полагая, что между книжниками-«аристократами» и разночинными писателями т.н. «приказной школы» «была целая пропасть» и первые для последних «стояли недостижимо высоко», вместе с тем фиксировал «преемственные связи между аристократической литературной группой эпохи начал и приказной школой», при этом особо указуя на роль князя С.И. Шаховского, который «был жив при зарождении, расцвете и закате этой школы» (*Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века*. Л., 1973. С. 43). Думается, что «церковность» древнерусской литературной традиции делала жесткие рамки феодального общества не столь значимыми, нивелируя в христианской книжной мудрости «и богатых и убогих, и князей и простыцев».

²¹ *Полетаев А.В.* Указ. соч. С. 158–174.

²² Достаточно вспомнить в этом плане Андрея Федоровича Палицына, ярко охарактеризованного в одноименном очерке С.В. Бахрушиным (*Бахрушин С.В. Научные труды*. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 175–197). Двоюродный племянник знаменитого троцкого келаря Авраамия, сам не лишенный литературных дарований и не чуждый книжной образованности, будучи на воеводстве в Мангазее, А.Ф. Палицын, по замечанию исследователя, «находил удовольствие в обществе ссыльных черкас и поляков» – А. Шафрана, П. Хмелевского и др. Опальная «литва», в свою очередь, оказала Андрею Федоровичу действительную поддержку в борьбе против его недалекого и властолюбивого коллеги – первого мангазейского воеводы Г.И. Кокорева (Там же. С. 186). К слову сказать, пути А.Ф. Палицына и С.И. Шаховского в Сибири пересекаются – оба в 1632 г. будут «весновать» в Тобольске. Там, как известно, А.Ф. Палицын вновь затеет грандиозную интригу – «извет» уже против первого тобольского воеводы Ф.А. Телятевского, однако позиция С.И. Шаховского по отношению к бурным событиям, в эпицентре которых он невольно оказался, нами пока не выяснена.

²³ «Гоним и прогоним и всячески озлоблен и расхищен» – жаловался С.И. Шаховской в 1622 г. в послании к архиепископу Сибирскому и Тобольскому Киприану (см.: *Платонов С.Ф. Древнерусские повести и сказания*

о Смутном времени XVII века как исторический источник // ЖМНП. 1888. № 3. С. 123. Далее ссылки на работу С.Ф. Платонова приводятся по этому изданию).

²⁴ Любопытно отметить, что Ф.А. Шелешпанский, проведенный в уржумской тюрьме, а затем в тобольской ссылке в целом около двенадцати лет, обращаясь в 1632 г. в акростишном послании за помощью к С.И. Шаховскому, знал об этой черте его характера:

«О них же сам пострада и искушен был еси,

В тем и нам напаствованным пособствоватьи мощен еси.

Ибо аз слышах тя прежде скорбная претерпеша

Честь же достоинства твоег[о] всех разумеваю не погубивша»,

– льстил Шелешпанский самолюбию князя Семена, напоминая, вероятно, о кратковременной тобольской опале писателя в 1622 г. (Виршневая поэзия (первая половина XVII века / Сост. В.К. Былинин, А.А. Илюшин. М., 1989. С. 105–106. О биографии Ф.А. Шелешпанского и времени написания этой эпистолии см: *Полетаев А.В.* Указ. соч. С. 158–174).

²⁵ Домашние записки князя Семена Шаховского // Московский вестник. 1830. Ч. 5. С. 61–70.

²⁶ В XVII в. в составе Государева двора по Боярским книгам фиксируются 66 представителей рода Шаховских (см: Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост. А.П. Богданов. М., 1990. С. 431).

²⁷ *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 150 (№ 1114), С. 176 (№ 1374), С. 177 (№ 1387). Напомним, что С.И. Шаховского за местнический спор в 1638–1639 гг. с князем С.И. Великого-Гагиным и нарушение указа о безместии – «что он государев указ и уложение поставил ни во что своим воровским умышленьем, писал к государю на князя Степана Гагина о местех», даже решено было сослать в Тобольск (Описи архива Разрядного приказа XVII века / Сост. К.В. Петров. СПб., 2001. С. 53). Однако писатель отделался лишь непродолжительным тюремным заключением (см.: *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 124).

²⁸ Там же. С. 119–124.

²⁹ РИБ. Т. 10. СПб., 1886. Стб. 100, 180.

³⁰ *Лукичев М.П.* Новые материалы к биографии С.И. Шаховского // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 102.

³¹ Там же. С. 102–103.

³² Пикантность поручения состояла в том, что шаха от лица патриарха нужно было убедить принять православие (см.: *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 123).

³³ В 1606 г., во время восстания против Шуйского «северских городов» князь Семен, находившийся на службе под Ельцом, был отослан оттуда «за приставом» в Москву, а из столицы отправлен в Новгород. Однако, вероятно по причине того, что в городе свирепствовал «мор», Шаховской был «с дороги поворочен» – «жить до указу в деревне». Исследователи единодушны в

трактовке причин опалы: в 1606 г. против Шуйского выступил родной дядя князя Семена – Григорий Петрович Шаховской. Это, видимо, и побудило царя временно изолировать племянника смутьяна. Осадив Тулу, Василий Иванович тотчас «пожаловал» С.И. Шаховского – «велел взять к Москве» (Там же. С. 119–120).

³⁴ Утомленный служебными посылками и назначениями, дважды раненый в боях в 1613–1615 гг., Шаховской дерзнул подать царю Михаилу Федоровичу челобитие с жалобой, что он «заволочен со службы да на службу». Это и послужило причиной опалы (Там же. С. 120–121).

³⁵ Вероятно, правительство новой династии желало продемонстрировать, что оно намерено решительно искоренять распространившееся среди дворян в годы Смуты «шляхетское своеволие».

³⁶ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 120–121.

³⁷ Причиной опалы С.И. Шаховского послужило небезызвестное дело его родственников – Матвея, Афанасия, Андрея и Ивана Шаховских, затеявших однажды шутовскую игру «в царя». Привлечение к этому делу князя Семена, не присутствовавшего на пресловутом «беззаконии», было, вероятно, связано и с его четвертым, канонически спорным браком, вызвавшим неудовольствие патриарха Филарета (Там же. С. 121–123). С.И. Шаховской был сослан в Тобольск согласно грамоте от 12 января 1622 г. и прибыл туда, вероятно, 21 марта (в этот день грамота была доставлена в столицу Сибири). «Пожалован» же был князь «к Москве» 11 марта, а выехал из Тобольска назад 19 мая 1622 г. (Лукичев М.П. Указ. соч. С. 100–101; РГАДА. Ф. 199. № 541. Л. 162 об.–165 об., 403–404 об.). М.П. Лукичев, вводя документы о ссылке С.И. Шаховского в научный оборот, упустил одну любопытную деталь, на которую хотелось бы обратить внимание. Согласно грамоте, князь Семен отправлялся в ссылку с указанием «быти на нашей службе в Тобольску в ряду». Ссылавшимся «на службу», как правило, определялся *годовой* оклад денежного и хлебного жалования, между тем как Шаховскому было указано выдавать *поденный* «корм» – «по два алтына на день», что практиковалось в отношении сосланных «на житье» или «в тюрьму». По всей видимости, государь и не собирался использовать князя «на нашей службе», равно, как и длительное время содержать его в ссылке. Вышеприведенное наблюдение позволяет думать, что тобольская опала С.И. Шаховского в 1622 г., подобно ссылке князя на Унжу в 1615 г., носила лишь «назидательный» характер, являя собой своеобразный «карающий жест» над провинившимся. Практика подобных «жестов», когда царедворец содержался в опале очень недолго, либо, даже не доехав до места ссылки, «повороченный» «з дороги», получал новый указ, в сибирской истории явление нередкое (ср., напр.: РГАДА. Ф. 199. № 541. Л. 173–174 об., 427 об.–429 об.; ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1.: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 146, 155, 159, 160).

³⁸ М.П. Лукичев, не согласившись с С.Ф. Платоновым, утверждавшим, что князь Семен после этой ссылки вплоть до 1633 г. – года снятия опалы с

«игроков в царя» – был реабилитирован лишь частично, убедительно доказал, что, по крайней мере, с мая 1625 г. С.И. Шаховскому «удалось полностью восстановить доверие правительства» (*Лукичев М.П.* Указ. соч. С. 102). Ценная во многих отношениях работа М.П. Лукичева лишь за последнее время получила в научных кругах должный резонанс (См.: *Буланин Д.М.* Шаховской Семен Иванович // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 275–286).

³⁹ *Полетаев А.В.* Указ. соч. С. 161–163, 168–170.

⁴⁰ Там же. С. 168–169.

⁴¹ Время ссылки князя Семена в Усть–Колу уточнено М.П. Лукичевым (см.: *Лукичев М.П.* Указ. соч. С. 103–104). В исследовательской литературе, как правило, обращаются к другой дате – 1644 г., которую указывает сам князь в «Домашних записках». На неточности в датах, содержащихся в этом источнике, когда писатель порой ошибается, сдвигая события на год назад, а точно фиксирует лишь привязку произошедшего к церковному календарю, обращал внимание еще С.Ф. Платонов (см.: *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 124).

⁴² *Гальцов В.И.* Сведения о С.И. Шаховском в описи Архива Посольского приказа 1673 г. // *АЕ* за 1976 г. М., 1977. С. 79–81; *Опись Архива Посольского приказа 1673 года.* Ч. 1 / Сост. В.И. Гальцов. М., 1990. С. 493–494.

⁴³ Тезис не вызывает у нас сомнений: «Записки» обрываются прибытием князя 10 сентября 1649 г. в Томск. То, что этот небольшой по объему источник писался одновременно, а не на протяжении ряда лет, указывает и другое, уже упомянутое нами обстоятельство – Шаховской подчас путается в датах, в т.ч. и в датах событий, непосредственно предшествовавших его последней сибирской ссылке (см. сноску 41).

⁴⁴ С.И. Шаховской начал службу в начале XVII в., а умер между июлем 1654 и августом 1655 гг. (*Лукичев М.П.* Указ. соч. С. 104–105). К 1649 г. писателю было около 60–ти лет. Впрочем, о времени его смерти в литературе до сих пор ходит немало прекраснотушных легенд. Так, например, пушкинист Н.К. Телетова в статье «Первый русский лирический поэт П.А. Квашнин–Самарин» продлевает жизнь С.И. Шаховского – «известного литератора XVII в.» – до 1667 г. с единственной, похоже, целью: провести эффектную генеалогическую параллель, подтверждающую, на ее взгляд, творческую преемственность между поколениями российских писателей: С.И. Шаховского Хари, П.А. Квашнина–Самарина и А.С. Пушкина, ибо вирши стольника Петра Андреевича Квашнина–Самарина были отчасти написаны на бумагах архива его деда по матери – Семена Ивановича Шаховского; позднее же Квашнины–Самарины роднились с Пушкиными (*Телетова Н.К.* Первый русский лирический поэт П.А. Квашнин–Самарин // *ТОДРЛ.* СПб., 1993. Т. 47. С. 291–307). Между тем давно известно, что во второй трети XVII в. в составе Государева двора одновременно служили два С.И. Шаховских – собственно Семен Хари и его троюродный племянник, тоже Семен Иванович (*Платонов С.Ф.* Указ. соч.

С. 126; Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1. С. 259 (Табл. 72), С. 263 (Табл. 73). В частности, оба они фиксируются в летнем «смотренном списке» 1653 г. (*Лукичев М.П.* Указ. соч. С. 104, 107). Именно племянник писателя – С.И. Шаховской, служебная карьера которого прослеживается до середины 60-х гг. XVII в., и приходился дедом по материнской линии П.А. Квашнину-Самарину.

⁴⁵ Хотя одна только Библия (судя повсему – Острожская 1580–1581 гг.) стоила немалых денег. Именно ее первой упомянул Шаховской в челобитной в числе своих оставленных в Енисейске вещей. Что же касается второй из указанных в прошении книг, то ее атрибуция представляется сложной – рукописные сборники с таким названием имели лишь относительно устойчивый состав (*Крутова М.С., Невзорова Н.Н.* Златая чепь // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 184–187).

⁴⁶ См.: *Полетаев А.В.* Указ. соч. С. 162–163.

⁴⁷ Там же. С. 169–170.

⁴⁸ Едва ли сургутский воевода князь М.Г. Козловский (о сургутских воеводах см.: *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 167) стал бы препятствовать «проезжему гостю» в его желании посетить «тюремного сидельца». Последние в сибирских городах содержались подчасую не столь строго, как предписывали царские грамоты. К тому же посещение Ф.А. Котова Шаховской мог и объяснить, к примеру, «государевым делом» – ведь в оставленном князем Семеном Енисейске находился племянник «изменника Федотки».

⁴⁹ Подробнее об этой амнистии см.: *Полетаев А.В.* Указ. соч. С. 165–166, 172.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 38. Л. 1–4. Присылка челобития из Сибири по срокам его подачи полностью исключается. Вероятнее всего, основная инициатива хлопот за Котовых исходила от оставшихся в Москве (или на европейской части Руси) осколков «изменнича рода». Однако Котовы пострадали весьма существенно, и кланово-корпоративные связи семьи, думается, во многом были разрушены. Поэтому, как и в случае с Ф.А. Шелешпанским (см.: *Полетаев А.В.* Указ. соч. С. 165, 171, 173), нельзя исключить участие в ходатайстве и князя Семена Хари, известного своими контактами в среде служилых бюрократов.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 38. Л. 1–4.

⁵² Там же. Л. 5–10. (отпуски грамот).

⁵³ Там же. Л. 21–22 (отписка в Москву А. Голицина, Д. Замыцкого, С. Копылова и Л. Полуектова).

⁵⁴ 15 марта 1634 г. в Казани на Ф. Котова составляется поручная запись «в том, что жити ему... в Казани и без государева указу... никуды не съезжати» (Там же. Л. 39–39 об). Любопытным обстоятельством является то,

что среди порутчиков (в основном казанских торговых людей) есть и москвичи, принадлежащие к «гостиной сотне»: Семен Григорьев Сомовнин и Перфилий Васильев Климшин. Впервые на этот факт обратила внимание видевшая данный документ Н.Б. Голикова (см.: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 235).

⁵⁵ Отписка казанского городского руководства не указывает точных дат прибытия Р.А. и С.А. Котовых в Казань (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 38. Л. 40–41 об.), но 12 мая 1634 г. в столице оттуда уже было получено челобитие Ф.А., Р.А. и С.А. Котовых с просьбой о назначении им поденного корма, который не был установлен грамотами (Там же. Л. 25–26 об.).

⁵⁶ Там же. Л. 13. В самых общих чертах о помиловании Котовых из опалы писала Н.Б. Голикова (см.: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 235).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 38. Л. 23–24 об.

⁵⁸ Там же. Л. 27–27 об. (оригинал челобитной Родиона Котова), 28–30 (отпуск грамоты в Казань по челобитиям Родиона и Окулины Котовых), 31–32 (отпуск грамоты в Свияжск о присылке туда Федота Котова вместо Родиона).

⁵⁹ Митрополит, вероятно, в немалой степени помог зятю сменить Свияжск на Казань. По крайней мере, «ручали» Р.А. Котова в «безвыездном житье» в Казани, среди прочих, и «люди» владыки – конечно не холопы, а служилые его подворья (Там же. Л. 41–41 об.).

⁶⁰ Там же. Л. 47–47 об.

⁶¹ 12 мая 1634 г. в коллективной челобитной все трое – братья и племянник, сетовали, что после переезда из Сибири «корму им не дают и они... помирают голодною смертию». Москва определила «давати корм против сибирского... по дв[а] алтына на день человеку», а в Казань, Свияжск и Чебоксары из Приказа Казанского дворца послать указания о выдаче кормовых денег «ис тамошних д[о]ходов», исчисляя «корм» с момента прибытия грамот в эти города (Там же. Л. 25–26 об. Суть челобитной изложена в памяти от 22 мая 1634 г. из приказа Костромской чети в приказ Казанского дворца).

⁶² Там же. Л. 47–47 об.

⁶³ *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 235, 414.

⁶⁴ ЛАИ УрГУ. Шатровское (XV) собр. № 31п / 2001.

⁶⁵ Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей Лаборатории археографических исследований / Сост. А.В. Полетаев. Свердловск, 1990. С. 65.

⁶⁶ *Оглоблин Н.Н.* Бытовые черты XVII века // *Русская старина*. 1892. № 6. С. 684.

⁶⁷ Книга достигла адреса, указанного в маргиналии, и, судя по внешним признакам, бытовала в Восточной Сибири еще более столетия: по корешку кодекса заметна реставрация фрагментами енисейских делопроизводственных бумаг 30-х – 50-х гг. XVIII в.

⁶⁸ 200 лет спустя другой представитель этого княжеского рода – декабрист Федор Петрович Шаховской, будучи в енисейской ссылке, также испытывал недостаток в книгах (см.: *Чернышова Н.К.* Круг чтения декабриста Ф.П. Шаховского в сибирской ссылке (1826–1828 гг.) // *Археография книжных памятников: Русская книга в дореволюционной Сибири.* Новосибирск. 1996. С. 232–252).

⁶⁹ С.А. Галишев, исследуя структуру дворянских библиотек, пришел к выводу, что они состоят «по крайней мере из трех “фондов”: временного (оборотного), основного (стабильного, постоянного), а также из книг, находившихся в личной библиотеке на правах временного владения» (*Галишев С.А.* Дворянские библиотеки XVI–XVII вв. Комплектование. Структура // *Книга в культуре Урала XVI–XIX вв.* Екатеринбург, 1991. С. 7). Поэтому, если С.И. Шаховской действительно брал книгу «почитать», то можно говорить о вхождении ее в состав библиотеки князя на правах временного владения.

⁷⁰ Рукописные глоссы не могли быть перенесены на кодекс с иного издания Учительного Евангелия. Ни одно из изданий книги XVI–XVII вв. не имеет на полях печатных пояснений, аналогичных данным. На последнее обстоятельство обратил наше внимание С.А. Кудрявцев, за что выражаем ему глубокую признательность.

⁷¹ Мы не исключаем возможности того, что скорописные маргиналии уже присутствовали на книге до ее присылки в Енисейск.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1. 1638 г., января 26. – Грамота царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе П.Ф. Соковнину с указанием прислать в Москву книги С.И. Шаховского, оставленные последним в Енисейске

(*Л. 298*) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Сибирь в Енисейской острог воеводе нашему Прокофью Федоровичю Соковнину. Бил нам челом князь Семен Шеховской, а сказал: как–де прислан на ево, князь Семеново, место в Енисейской острог (*Л. 299*) Ждан Кондырев, и он–де, князь Семен, поедучи из Енисейского острогу, положил в Енисейском остроге у Сергейка Котова книги свои: Библию, да Чепь златую, и иные книги. И те–де ево книги с ыными ево, князь Семеновыми, животы Ждан Кондырев у Сергейка Котова пограбил, и ныне–де те книги в Енисейском остроге в съезжей избе. И будет так, как нам князь Семен Шеховской бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б те, князь Семеновы, (*Л. 300*) книги Шеховского, что взяты у Сергейка Кото-

ва, прислал к нам к Москве с ыными нашими делы вместе. Да о том бы еси отписал, а отписку и те книги велел отдать в Сибирском приказе боярину нашему князю Борису Михайловичю Лыкову да дьяком нашим Микифору Шипулину да Михаилу Патрекееву. Писан на Москве лета 7146-го, генваря в 26 день.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 98. Л. 298 – 300. Копия (с отпуски?), сделанная не позднее 7 февраля 1641 г. (датировка копии по документам № 2, 3). Граница между Л. 299–300 определена нами – это место реальной склейки столбца. Архивная нумерация Л. 300 проставлена выше – по нижней части разорванного пополам по диагонали к правому верхнему углу Л. 299.

№ 2. 1641 г., не позднее февраля 7. – Челобитная С.И. Шаховского с просьбой «дать» новую грамоту в Енисейск о возвращении его книг, взамен старой, просроченной

(Л. 294) Царю государю и великому князю Михаилу Федорович[ю]^а всеа Русии бьет челом холоп твой Сенка Шахавской.

В прошлом, государь, во 146-м году дана мне, холопу твоему, в Сибирь в Енисейской острог твоя государева грамота. А велено, государь, по той твоей государевой грамоте книги мои, холопа твоего, что пограбил в Енисейском остроге Ждан Кондырев, Библию, да Чепь Златую, и иные книги с ыными моими животамы, у Сергейка Катова^б, прислать к Москве. А те, государь, мои книги лежат в Енисейском в съезжей избе. И та твоя государева грамота у меня, холопа твоего, за ездоками залежалас.

Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне дать в Енисейской острог к воеводе свою государеву иную грамоту, ^в и вели^г, государь, те мои книги прислать к Москве по прежнему своему государеву указу. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте помета: Дать грамота с прежнего отпуску.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 98. Л. 294–294 об. Подлинник. Датировка по документу.

№ 3. 1641 г. февраля 7. – Грамота царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе О.Г. Оничкову с указанием прислать в Москву книги С.И. Шаховского

(Л. 314) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Енисейской острог воеводе нашему Осипу Гара-

симовичю Оничкову. Бил нам челом князь Семен Шеховской, а сказал: как-де прислан на ево, княз Семеново, место в Енисейской острог Ждан Кондырев, и он-де, княз Семен, поедучи из Енисейского острогу, положил в Енисейском остроге у Сергейка Котова книги свои: Библию да Чепь златую, и иные книги. И те-де ево книги с ыными ево, князь Семеновыми, животы Ждан Кондырев у Сергейка Котова пограбил. И ныне-де те книги в Енисейском остроге в съезжей избе. И будет так, как нам княз Семен Шеховской бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б те, княз Семеновы, книги Шеховского, что взяты у Сергейка Котова, прислал к нам к Москве с ыными (Л. 307) нашими делы вместе, да о том бы есте отписал, а отписку и те книги велел отдать в Сибирском приказе боярину нашему князю Борису Михайловичю Лыкову да диаком нашим Микифору Шипулину да Григорью Протопопову. А наперед сего^а о тех же^б книгах^в дана ^гбыла ему, князю Семену^д, наша грамота такова^е ж^ж, и та-де грамота^з за ^и«ездаками не послана^и».

Писан на Москве лета 7149-го февраля в 7 день.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 98. Л. 314, 307 (при архивной нумерации перепутана последовательность текстов). Отпуск.

^а Обрыв листа. Восстановлено по смыслу.

^б Так в ркп.

^{в-г} Союз и и первый слог в слове вели написаны по исправленному слогу по.

^д Далее зачеркнутое справщиком: ему, князю Семену.

^е Приписано справщиком над строкой.

^ж Далее зачеркнутое справщиком: в Енисейском остроге.

^{з-и} Приписано справщиком над строкой.

^{к-л} Приписано справщиком над строкой. Далее зачеркнутое справщиком в строке: из Сибирского приказу была дана ж.

^м Далее зачеркнутое справщиком: утерялас на дороге; затем приписанное справщиком над строкой, но им же зачеркнутое: у него.

^{н-о} Приписано справщиком над строкой.